

АММОНИТ

Солнце горячим пятном просвечивало сквозь сомкнутые веки. Не открывая глаз, я попытался уползти в тень куста, под которым спал. Но, наткнувшись рукой на колючку, вскрикнул от боли и окончательно проснулся.

Часы показывали без трех минут четыре. Это значило, что мы проспали всю вторую половину рабочего дня, да еще и обед.

Вчера был выходной день и мы, задержавшись на море, опоздали на последний автобус из Симферополя. В душном переполненном автовокзале негде было приткнуться, и Ник уговорил меня идти до базы пешком, заверив, что знает дорогу как свои пять пальцев.

– Семнадцать километров по хорошей дороге это три часа ходу. Придем в лагерь в час ночи и успеем выспаться до утра, – рассчитывал Ник, бодро шагая по шоссе.

Чтобы сократить путь, мы свернули на проселочную дорогу и всю ночь плутали по каким-то полям и спящим деревням, где нас злобным лаем встречали и провожали разномастные дворняги. Только к девяти часам утра, смертельно уставшие, мы появились на базе. Наши товарищи, возвратившиеся первым автобусом, уже позавтракали и отправились на работу. На утреннем разводе они сказали нашему руководителю профессору Василию Николаевичу, что мы уже ушли в маршрут, чтобы набрать больше фауны в аммонитовом овраге.

Аммонитами называли головоногих моллюсков, вымерших в меловом периоде. Их окаменевшие раковины, по виду напоминавшие бараньи рога, свернутые спиралью, часто находили в пластах известняков и мергелей. Свое название аммониты получили по имени египетского бога Аммона, изображавшегося с головой барана.

Мы отправились на свой участок составлять геологическую карту и, как сонные мухи, ползали по горам до полудня. В обед закусили черным хлебом, запивая его холодной родниковой водой. С устатку и с голодухи эта еда казалась вкусной до безумия. Во время послеобеденного перекура к нам подкрался бог сновидений – Морфей и в считанные секунды отправил нас с Ником в волшебную страну грез, откуда я только что благополучно возвратился.

С чувством справедливого возмездия я провел по раскрасневшейся физиономии спящего Ника сухой травинкой. Он скривился, но не проснулся и только махнул рукой, отгоняя с лица назойливую муху. Тогда я взял сухой листок и бросил его на разгоряченное лицо Ника. Он быстро схватил листок пальцами, смял, отбросил в сторону и окончательно проснулся.

– Слава мужественному путешественнику, великому знатоку крымских дорог и удачливому искателю аммонитов, – продекламировал я, подражая голосу Левитана.

Ник долго моргал выгоревшими ресницами, глядя прямо перед собой на терновый куст. Нацепив на нос сильные очки, он коротко и требовательно, как генерал, спросил:

– Время!?

– По Москве или Гринвичу? – уточнил я.

Ник угрожающе засопел.

– Шестнадцать часов две минуты, – отрапортовал я, вскакивая и вытягиваясь по стойке смирно, – какие будут распоряжения по части обеда, полковник?

Ник понял, что сегодня мы в очередной раз остались без обеда, и так свирепо на меня посмотрел, будто я был главной причиной всех несчастий на Земле.

– Вольно! – скомандовал он. – Пошли домой, все равно уже ничего не успеем сделать.

Мы приплелись в лагерь. У нашей палатки висело сизое облачко махорочного дыма. На табуретке перед входом сидел Абраша и с удовольствием курил «козью ножку».

– Что аммонитовый овраг? – спросил он с ухмылкой, – говорят там аммонитов видимо-невидимо.

– Невидимо, – буркнул Ник и прошел в палатку.

– А я решил, дотащить не можете, – Абраша протянул мне кiset.

– Ни черта не нашли, – признался я, угощаясь маршанской махоркой, – уснули на первом обнажении. Поесть нам ничего не принесли?

– Ваш обед в палатке на столе. Светку с Лариской благодарите, они сегодня дежурные. Миски сразу верните на кухню.

– Что говорить профессору, даже не знаю, – вздохнул я.

– Не бери в голову, мы в этом овраге целый день вчетвером копались и ни черта не нашли, – махнул рукой Абраша, – а профессор уверял, что аммонитов там навалом.

– И как же вы отчитались на камералке?

– Пришлось у Мишки взять в долг двух аммонитов, вот несую отдавать. А то могу одолжить? Правда, есть опасность, что профессор их запомнил, и с третьего раза опознает, но терять вам нечего.

Абраша осторожно развернул бумажный пакетик и достал образец. На поверхности обломка мергеля едва угадывалась спираль, которую, при некоторой доле фантазии, вполне можно было принять за окаменевшую раковину аммонита.

– Этот аммонит неважный, но зато настоящий, а второй еще хуже, видишь, похоже на сутурную линию, а может просто такой скол, но для количества возьми и его.

В палатке за обедом я показал Нику аммонитов.

– Отдай немедленно! – вдруг разъярился он. – Подлог в геологии это преступление!

– Ой, какие мы честные, – не выдержал я, – а спать во время работы это в геологии не преступление? Будешь теперь объяснять профессору, как быстро пройти от Симферополя до базы за одну ночь.

Ник засопел и я понял, что пересолил. Он мог свободно удариться в амбицию, и тогда аммониты уже не понадобятся.

– Ты лучше скажи, аммонит это или нет? – я сделал попытку заинтриговать Ника, и показал ему кусок мергеля с неясным отпечатком.

– Конечно, нет, где ты взял эту дрянь?

– Мишка Федоров возле камералки нашел, на прошлогодней практике кто-то выбросил.

– Если хочешь, показывай сам, а я врать не стану! – гордо заявил Ник.

– Как мило. Значит, врать другим ты разрешаешь? – не выдержал я, и тут же проклял свой вертлявый язык. Ник снова засопел, отвернулся и перестал со мной разговаривать.

Ясно, что теперь он врать не станет и мне не даст, а будет каяться перед профессором. Наказав Нику помыть и отнести миски на кухню, я отправился к Мишке отдавать аммонитов.

– Ну что вы как дети? – урезонил меня Мишка. – Все так делают. А если уж вы такие щепетильные, то сходите потом в овраг и найдите настоящих аммонитов.

Мишка был самый старший и мудрый в нашей группе.

Я взял каталог с фотографиями окаменелой флоры и фауны и, просто так, для интереса, попробовал с его помощью определить название аммонитов. Первый образец с неясным отпечатком якобы настоящего аммонита не был похож ни на одно изображение в каталоге. Весь он был какой-то затертый и захватанный. Я взял гвоздик и попытался его немного очистить.

– Эй! – одернул меня Мишка, – Этого не трогай. Упражняйся на втором образце, сколько влезет.

Я последовал его совету и через полчаса, при помощи гвоздя и фото в каталоге, довольно сносно изобразил на куске мергеля аммонита из рода *Arietites Obtusus Sowerbi*, юрского возраста, жившего около 56 миллионов лет тому назад.

– Неплохо, – похвалил меня Мишка, – только слишком он новенький получился, как будто только недавно помер.

Я замазал аммонита грязью и положил сушиться.

В семнадцать тридцать мы предстали перед Василием Николаевичем. Ник был сосредоточен и, вероятно, собирался произнести разгромную обвинительную речь в наш адрес.

– Ну, что принесли? – поинтересовался профессор.

Ник открыл рот, но ничего не успел произнести.

– Вот, всего двух аммонитов, – нахально перебил я.

Ник так и остался стоять с открытым ртом, и я почувствовал, как мне в ухо вонзается его жгучий ненавидящий взгляд.

«Не пронзишь!» – позлорадствовал мой первый внутренний голос.

– Мало, – профессор раскрыл каталог с фотографиями окаменелостей, – там аммонитов должно быть очень много.

«Может, так оно и было, двадцать лет назад, – мысленно согласился я с преподавателем, – только сейчас все аммониты уже находятся в лагере и разбросаны вокруг камералки».

Профессор внимательно осмотрел отпечаток через мощную линзу – предмет зависти всех студентов и преподавателей.

– У меня такое ощущение, – изрек он, – что я уже видел этого аммонита, – и, взглянув на меня, добавил, – и уже не один раз.

Я замер, ожидая немедленного раскрытия преступления и страшного справедливого позора, но профессор и в мыслях не держал, что ему третий раз подсовывают одного и того же аммонита. Он полистал каталог и махнул рукой:

– Плохой отпечаток, вряд ли сможем определить, давайте второго.

Мне вовсе не хотелось показывать свое творение, но отступить было уже нельзя, и я достал второго рукотворного аммонита.

– Какой чудесный экземпляр, – профессор внимательно осмотрел образец, – сутурная линия четкая, ясная. Ну-ка, сейчас мы его определим.

Василий Николаевич перелистал каталог и остановился на фотографии, с которой я слепил аммонита в масштабе один к одному.

– *Arietites Obtusus Sowerbi* – прочитал он.

Тут я почувствовал, что недооценил Ника, и он сейчас все-таки пронзит меня насквозь своим взглядом.

– Хорошего аммонита нашли, похвалил нас профессор, – вы после защиты отчета его не выбрасывайте, а сдайте в коллекцию Нине Ивановне.

После камералки я первым делом зашвырнул рукотворного аммонита далеко в кусты, чтобы никто никогда его больше не нашел. Поднимаясь в гору к нашей палатке, я уговаривал свирепо сопящего Ника:

– Ну, хочешь в следующий выходной не поедем на море, а пойдем в этот чертов овраг и наберем целый мешок настоящих аммонитов. А? Ник!

Ник не разговаривал со мной три дня.